

М. Ю. Загирняк

ЗНАЧЕНИЕ УЧЕНИЯ О ВОЛЕ
Ж. Ж. РУССО И И. КАНТА
ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ
КОНЦЕПЦИИ
С. И. ГЕССЕНА

Дана общая характеристика философии права С. И. Гессена в связи с идеями «общей воли» Ж. Ж. Руссо и «автономии воли» И. Канта.

This article provides a brief description of Sergey Hessen's philosophy of law in connection with J.J. Rousseau's idea of «common will» and Kant's «autonomy of will».

Ключевые слова: государство, право, личность, свобода.

Key words: state, law, personality, freedom.

Известный русский мыслитель С. И. Гессен занимает видное место в философии русского зарубежья первой половины XX века. Оставаясь во многом под влиянием баденской школы неокантианства в целом и идей Риккерта в частности, Гессен в 20-е гг. формулирует оригинальную философско-правовую концепцию, обосновывая в ней правовой социализм, образование которого осуществимо лишь в результате синтеза либеральных и социалистических идей. Пожалуй, решающую роль на формирование взглядов С. И. Гессена на соотношение государства и личности оказали труды Руссо и Канта, к которым он обращается уже в своих ранних работах¹. Интерес к философии французского и немецкого мыслителей сохраняется и в последующем творчестве С. И. Гессена [4; 7].

Именно это дает нам возможность рассмотреть отдельные аспекты философского наследия Гессена в контексте философии Руссо и Канта, здесь мы попытаемся увидеть не только критику русским мыслителем классиков европейской философии,

¹ В «Философии наказания» Гессен показывает значение И. Канта в развитии идей философии права и отмечает его вклад в решение вопроса о соотношении государства и личности в традиции рационалистической школы [1, с. 194–197]. В работе «Политические идеи жирондистов» он критикует взгляды Руссо о создании гармоничных взаимоотношений государственной власти и личности (см. [2]).

но и преемственность, которая связывает его мысль с мировым философским наследием. Эту включенность Гессена в философскую традицию можно проследить в том числе и в решении вопроса о соотношении государства и личности — проблемы, которой и Кант, и Руссо, и Гессен уделяли значительное внимание.

В чем же выразилось влияние идей Руссо и Канта на философско-правовую концепцию Гессена? Какова степень и характер этого влияния? Ответам на эти вопросы и посвящено наше небольшое историко-философское исследование.

С.И. Гессен отмечает огромное значение учения Руссо² и для понимания свободы, и для решения вопроса о соотношении личности и государства, в частности идеи *общей воли*. Общая воля — важнейшая категория в решении философско-правовой проблемы взаимодействия личности и государства. Идея общей воли как средства гармонизации взаимоотношения личности и государства впервые концептуально сформулирована в произведениях Ж.Ж. Руссо. Общая воля является новым структурным элементом, который структурирует взаимосвязь личности и государства и позволяет вычленивать из сложной системы взаимоотношений данных сторон то, что способствует продвижению к идеалу человеческого общежития и сосредоточить совместные усилия на достижении идеала.

Согласно Руссо, *общая воля* есть среднее арифметическое индивидуальных волеизъявлений, являющееся при этом качественно новым волеизъявлением, которое хотя и не сводится к простой сумме своих составляющих, но тем не менее охватывает волю каждого³. Кроме того, в достигнутом новом образовании все проявления эгоизма отсеиваются, а остается только то, что подразумевает приближение к благу не только индивида, но и всего общества, потому как общая воля стремится к равенству, а ее цель — благо всего общества. Общая воля воплощается с помощью так называемого «*общего я*» — *суверена*, который позволяет регулировать взаимодействие государства и личности: «...каждый индивидуум... оказывается принявшим двойное обязательство, именно: как член суверена в отношении частных лиц и как член Государства по отношению к суверену» [13, с. 162]. Таким образом, Руссо для решения в сфере права проблемы личной свободы вводит в процесс правового взаимодействия между личностью и государством своеобразный «буфер», который сортирует личные волеизъявления, отсеивая эгоистические устремления каждого, и систематизирует все отобранные волеизъявления в одну общую целеустремленность к будущему идеалу общественного устройства.

При этом происхождение общей воли из личных волеизъявлений гарантирует приоритет личности перед государством в определении пути достижения общественного идеала. Общая воля должна способствовать созданию системы, в которой личность — главная ценность: «В центре прав народа должны быть поставлены права личности; и если можно посягнуть

² Так, в очерке «Мое жизнеописание» С. И. Гессен пишет о том, как работал над книгой, в плане которой отвел исследованию значения философии права Руссо целый раздел, а именно: «Концепция демократии Руссо и судьба ее в развитии правового государства» [5, с. 772].

³ «Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое... Это Целое получает в результате такого акта единство, свое общее я, свою жизнь и волю» [13, с. 161].

на права отдельных лиц, то всегда можно и поработить народ в целом» [16, с. 373—374]. Общая воля является необходимым элементом для осуществления идеального общественного устройства, который защищает личность от посягательств чиновничьего аппарата государства: «Невозможно, чтобы правительство посягнуло на свободу, пока оно действует только в интересах общественного блага, ибо в этом случае оно лишь выполняет общую волю...» [14, с. 423].

Но поскольку общая воля всегда стремится к достижению общественного блага, то все частные волеизъявления обязаны подчиняться ей: «При совершенных законах воля частная или индивидуальная должна быть ничтожна... воля общая или верховная должна быть всегда преобладающей, быть единым правилом для всех волеизъявлений» [13, с. 196]. Руссо, как метко заметил Э.Ю. Соловьев, сакрализует народную волю [17, с. 300], и данное обстоятельство приводит к тому, что личность обладает свободой только в рамках того идеала, который заключен в общей воле. Личную волю Руссо определяет через общую волю: «...добродетель есть лишь соответствие воли отдельного человека общей воле» [15, с. 119].

Гессен использует в качестве структурного элемента собственной философско-правовой концепции идею общей воли Руссо. Общая воля в его философской системе также служит «буфером» между государством и личностью, своеобразным полем достижения компромисса между данными сторонами. Однако Гессен наделяет общую волю такими признаками, которые мы не обнаруживаем в философии Руссо.

Гессен критикует приоритет государства над личностью, возникающий как следствие понятия общей воли. Это стало возможным из-за характерной для эпохи Просвещения черты: веры в безусловную гармонию частного и общего интереса, надежду на то, что «стоит только упразднить все «противоестественные» ограничения личной свободы, — в обществе «само собою» установится состояние гармонического равновесия» [7, с. 178]. Данная идея — своеобразное наследие эпохи, отразилась во взглядах Руссо: «...индивидуалистически настроенные жирондисты и государственники-якобинцы одинаково крепко верили в естественную гармонию между личными правами индивида и общим благом государственного целого, утверждение которой составляло, как известно, исходное положение учения Руссо» [8, с. 199].

По мнению Гессена, эта вера вырастает из взгляда на общую волю как готовые статичные образования. Такой подход есть следствие унификации всех индивидов без учета многообразия хозяйственных, религиозных, политических, национальных содержаний. Именно он порождает иллюзию, что определение общей воли тождественно формальному выявлению общего при сопоставлении личных волеизъявлений.

Гессен, напротив, рассматривает индивидов как принадлежащих к разнообразным социальным образованиям, а общую волю как «множество текучих, вклинивающих друг в друга классов и взаимно обуславливающих друг друга социальных функций» [8, с. 220], отмечая, что общая воля не есть нечто застывшее и определенное. Она есть непрекращающийся созидательный процесс, и «каждому народу приходится каждый раз сызнова отвоевывать и чеканить свою волю» [8, с. 220]⁴. Более того, личная и общая воля

⁴ Ср.: «...общая воля... мыслится уже не как готовый, только отображаемый факт, а как непрерывными усилиями всех общественных групп создаваемый процесс» [7, с. 201].

взаимосвязаны и взаимообусловлены. Для формирования общей воли необходимо обеспечить личную свободу. Руссо же, по словам Гессена, не смог найти баланс между личной и общей волей потому, что искал их единство не в том направлении, излишне доверяясь государственной власти⁵. Но именно это противоречило убеждениям Гессена: «...демократия осуществима только в формах правового государства, т.е. при признании запретной для государственного вмешательства области личной свободы» [6, с. 143].

По мнению Гессена, Руссо задал направление, по которому «в новое время пошел Кант, глубоко прочувствовавший поставленную Руссо проблему и в известной мере понявший Руссо глубже его самого» [3, с. 85]. Идеи Канта имели исключительное значение для формирования системы Гессена. Автономия личности стала фундаментом философско-правовой концепции Гессена, позволила создать структуру функционирования общества, при которой возможно постепенно формировать «общую волю» без диктата государства над личностью.

Гессен считает категорический императив Канта важнейшим этапом развития практической философии в западной мысли. Для него очевидно, что философско-правовые идеи Руссо находят свое развитие в работах Канта: «...философия Канта имела своим источником антиинтеллектуалистический протест Руссо... Он [Кант] наполнил отрицательное понятие свободы положительным содержанием подчиненной закону долга воли...» [4, с. 558]. Но как это произошло?

Для Канта воля ничем не детерминирована, кроме самой себя, поскольку способность действовать или не действовать по своему усмотрению, или *произвол*, происходит из воли, при этом «сама воля, собственно, не имеет своего определяющего основания; поскольку она способна определять произвол, она сам практический разум» [12, с. 53]. Автономной волей наделен каждый человек, и, соответственно, у всех людей присутствует априорное представление о законе самом по себе. Вот почему человек является источником нравственности. Таким образом, Кант утверждает несомненную ценность любого человека, отчасти подразумевая приоритет личности перед государством. Эта идея послужила отправной точкой С.И. Гессену в решении антропологических проблем собственной философско-правовой концепции, в частности она заняла важнейшее место в решении вопроса о соотношении государства и личности.

Однако, чтобы поступать в соответствии с категорическим императивом, следует преодолеть *злонравность*⁶ человеческой природы, которая склоняет человека делать мотивы себялюбия условием соблюдения морального закона, стремясь все сообразовать только со своим разумением [10, т. 4(2), с. 39]. Поэтому Кант пишет о важности осознания каждым индивидом необходимости отказа от вседозволенности, чтобы создать право,

⁵ Гессен критически отзываясь о Руссо при анализе событий Французской революции: «Несмотря на свое исповедание Декларации прав, формально мало чем отличающейся от жирондистской, монтаньяры все-таки кончили тем, что, *совершенно в духе неограниченной демократии Руссо* (курсив мой. — М. З.) и в противность основному “праву человека”, провозгласили обязательную государственную религию “верховного существа”» [2, с. 40].

⁶ «...злонравность (*vitiositas, pravitas*) или, если угодно, испорченность (*corruptio*) человеческого сердца есть предрасположение произвола... предпочитать мотивам из морального закона другие (неморальные) мотивы...» [10, т. 4 (2), с. 32].

«надо выйти из естественного состояния, в котором каждый поступает по собственному разумению, и объединиться со всеми остальными... с тем, чтобы подчиниться внешнему, опирающемуся на публичное право принуждению, т.е. вступить в состояние, в котором каждому будет *по закону* определено и достаточно сильной *властью*... предоставлено то, что должно быть *своим*, т.е. он прежде всего должен вступить в гражданское состояние» [12, с. 168]. Более того, людей можно принудить вступить в гражданское состояние, чтобы не дать возможности избежать правовой ответственности, т.е. необходима *сила*, которая поможет человеку. Такой силой является государство, которое, по Канту, бережет народ от животных проявлений человеческой сути, которые сильнее добрых начал в человеке. Задача государства, по мнению Канта, — создать «совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [12, с. 75]. При этом власть должна всячески содействовать тому, чтобы все люди осознавали закон не под страхом наказания, а на основании признания необходимости законодательства для функционирования и развития человеческого общежития. Государство для Канта — это механизм, посредством которого удастся не только «расположить некое число разумных существ, которые в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из которых хочет уклоняться от них, так организовать их устройство, чтобы, несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [11, с. 881], но и сохранить свободу каждого человека.

Решая эту дилемму, И. Кант отдает приоритет личности перед государством: для него положительные законы не должны противоречить законам свободы. По Канту, именно государство связывает два *стержня* гражданского общества — свободу и закон, позволяет продвигаться к *всемирно-гражданскому обществу*. Согласно философии Канта, гражданин «должен рассматриваться в государстве как участвующий в законодательстве (не только как средство, но в то же время и как цель сама по себе)...» [12, с. 210]. Так создается равенство всех, а значит, одинаковая возможность, предоставляемая каждому индивиду, сделать собственные положения, соответствующие необходимыми критериям, частью всеобщего законодательства.

Нельзя не признать, что Гессен перенимает идею Канта о государстве как способе достижения идеала человечества. Он также разделяет идею о том, что государство должно так вести свою политику, чтоб личная свобода и народная воля встречали как можно меньше сложностей и препятствий и при взаимодействии оно должно создавать ситуацию для активного диалога между личностью и обществом: «Государство не совпадает с народностью не только территориально, но и по существу, ибо народность, коренясь в подсоциальных глубинах органической жизни, возносится над государством в высшие сверхсоциальные плоскости бытия. Государственность только одна из форм проявления народности...» [9, с. 332].

Согласен Гессен и с тем, что при решении вопроса о соотношении личности и государства Кант настаивает на приоритете личности и отводит огромную роль индивидуальному совершенствованию. Вслед за классиком немецкой философии он особое внимание уделяет исследованию роли личности в движении на пути к общественному идеалу и признает, что

индивидуальная свобода является необходимой предпосылкой участия народа в государственной власти. Государство должно обеспечить наилучшее взаимодействие личной и общей воли, а также активизировать формирование личной и общей воли, поскольку народ как целое есть точно так же менее всего уже готовый данный факт [8, с. 225]. Именно недетерминированность воли позволяет обосновать приоритет личности перед государством, так как развитие общества и государства осуществляется как постоянное нахождение компромисса моральным законом и эгоистическими устремлениями. Однако Гессен разделяет и идею естественного права (линия Руссо), преобразует ее в своем учении в идею о вневременной цели развития человечества.

Путь «систематического и последовательного усиления центростремительной силы личности, постепенного роста ее внутренней свободы» [3, с. 85–86], которым, по мнению Гессена, прошли Руссо и Кант, стал и его собственным путем при разработке философско-правовой концепции. Вдохновленный идеями классиков философии, Гессен выстраивает собственное понимание процесса формирования свободы. Он создает концепцию правового социализма, одной из главных задач которой считает необходимость показать, «что современный социализм не противоречит свободе личности, но, напротив, доводит идею свободной личности до ее крайнего завершения» [6, с. 136]. При этом одним из важнейших элементов в структуре концепции Гессена является общая воля, значение которой усложнено и обогащено таким образом, что взаимодействие государства и личности представляется следующим образом: «...роль государства заключается не только в том, чтобы разбирать споры отдельных граждан на основании раз и навсегда установленного закона, а преимущественно в том, чтобы приобщить все группы, на которое разделено общество, к созданию общей воли...» [7, с. 203].

Таким образом, данная система позволяет выполнить задачу, которая заключается в том, «чтобы сочетать общность с индивидуальностью, объективность целого со свободой отдельного члена этого целого...» [7, с. 226]. Благодаря переосмыслению понятия общей воли достигается *органическое взаимопроникновение* индивидуального и социального в процессе развития социализма, что позволяет встать на путь осуществления именно правового идеала человеческого общежития [7, с. 247].

Гессен умело синтезирует идеи своих предшественников в персональной концепции права, пытаясь избежать как преобладания общей воли над личной (Руссо), так и обратного состояния (Кант). Свобода представляется как постоянный процесс развития, в котором личность и государство взаимодействуют посредством общей воли. Благодаря такой интерпретации категории общей воли, Гессен конструирует антиномическую структуру, состоящую из личности и государства, как развитие процесса свободы в сфере права.

Список литературы

1. Гессен С. И. Философия наказания // Логос. М.: Тип. Т-ва А. А. Левенсон, 1912–1913. Кн. 1, 2. С. 183–232.
2. Гессен С. И. Политические идеи жирондистов. М., 1917.
3. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
4. Гессен С. И. Лев Толстой как мыслитель // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 545–576.

5. Гессен С.И. Мое жизнеописание // Там же. С. 723–782.
6. Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Там же. С. 106–144.
7. Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Там же. С. 147–542.
8. Гессен С.И. Кризис демократии и новейшая эволюция школьных систем // Педагогическая публицистика российского зарубежья. Саранск, 2006. С. 198–227.
9. Гессен С.И. О понятии и цели нравственного образования // Там же. 2006. С. 318–334.
10. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4(2). С. 6–57.
11. Кант И. К Вечному миру // Кант И. Критика чистого разума. М., 2007. С. 859–898.
12. Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. М., 2007.
13. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С. 151–256.
14. Руссо Ж.Ж. [Об общественном соглашении] // Там же. С. 421–427.
15. Руссо Ж.Ж. О политической экономии // Там же. С. 109–141.
16. Руссо Ж.Ж. Письма с горы // Там же. С. 352–407.
17. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.

Об авторе

Загирняк Михаил Юрьевич – ассистент кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com.

About author

Mikhail Yu. Zagirnyak, Lecturer, Department of Philosophy, Faculty of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com.